

18+

СБОРНИК
РАССКАЗОВ

A detailed illustration of a white crow with a single red eye perched on a futuristic city skyline. The city is filled with tall skyscrapers, glowing windows, and flying cars. The sky is a mix of orange, blue, and purple, with many other black crows flying around. The title 'БЕЛАЯ ВОРОНА' is written in large, bold, white letters across the bottom.

БЕЛАЯ
ВОРОНА

Григорий Родственников

Белая ворона

«Издательские решения»

Родственников Г.

Белая ворона / Г. Родственников — «Издательские решения»,

«Белая ворона» — это сборник историй о тех, кто отказался быть как все. Здесь реализм встречается с фантастикой, а судьба изгоя оборачивается не проклятием, а силой. Герои этих рассказов носят белое в чёрном царстве, мыслят поперек системы и платят за свою уникальность одиночеством, славой или бегством от стаи. Остро, искренне и без права на серую жизнь. Если вы когда-нибудь чувствовали, что родились не в той стае — эта книга для вас. Тексты публикуются в авторской редакции.

Содержание

От составителей	6
Александр Сержан	8
Евгения Зими́на «СЕЛО С НЕПРАВИЛЬНЫМ НАЗВАНИЕМ»	17
Сергей Кулагин «БЕЗ ФИЛЬТРОВ»	22
Арсений Баранов «КРАСИВЫЕ КУРЫ»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Белая ворона

Составитель Григорий Родственников

Редактор Сергей Кулагин

Дизайнер обложки Григорий Родственников

© Григорий Родственников, составитель, 2026

© Григорий Родственников, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4084-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителей

Перед вами очередной сборник от Литературного Сообщества «Леди, Заяц & К». В него вошли лучшие рассказы конкурса «БЕЛАЯ ВОРОНА».

Почему такое название? Потому что белая ворона — это не просто птица-альбинос. Это вызов системе. Это тот, кто выделяется из стаи, кто мыслит иначе, кто не боится быть непонятым, осмеянным или даже изгнанным. Это ирония судьбы и судьба изгоя. Это может быть история про человека, который носит белое там, где все в чёрном, или про воронёнка, который родился белым и пытается доказать, что он тоже настоящий.

Каждый автор этого сборника написал про свою «Белую ворону». Рассказы получились разные. Яркие, запоминающиеся, многожанровые. Будем рады, если они придутся вам по вкусу.

Это двадцать третий сборник нашего Сообщества. Надеемся, что не последний. Он посвящён нашему постоянному автору, Арсению Баранову — талантливому писателю, экскурсоводу по Рязани и члену жюри конкурса.

Июнь 2026 года.

Арсений Баранов

Александр Сержан «АВАТАР БЕЛОГО КРОЛИКА»

Струйка едкого пота скатилась в уголок правого глаза, и Георг дернул щекой. Ствол на волос ушел влево, но этого хватило чтобы пуля легла мимо цели. Трехкилометровая дистанция подобных ошибок не прощала. Белый кролик равнодушно повел ушами, не заметив пронесшейся смерти. Тонкая игла боеприпаса, не оставляющая за собой ни инверсионного следа, ни ударной волны, способных насторожить жертву, проскочила еще километр и разнесла ростовую мишень.

— Незачет, — бесстрастно констатировал старший инспектор, и тут же вызвал следующего абитуриента.

Георг отстегнул от балансирного станка тяжелую тушу винтовки, обернулся на подвешенный монитор. На нем забавная мордочка с подрагивающим носиком — кнопкой безостановочно втягивала стебель сочного одуванчика.

«Второй», — отстраненно подумал Георг, направляясь на выход.

Второй незачет. Академия допускала лишь одну осечку при сдаче. Только одну. После второй тебя исключают. Ни награды, ни достижения, ничто не имеет значения после второй совершенной осечки. Георг оперся на низкий заборчик стрельбища, неторопливо вытащил пачку, не глядя выудил сигарету. В теле царила расслабленность. Сердце мерно отсчитывало удары, в держащих тлеющую сигарету пальцах не было намека на дрожь. Фиаско? Загубленное будущее? Сосредоточение и полный контроль над телом, эмоциями, сознанием. Год подготовки ни для кого не проходит даром. Тем более — для лучшего абитуриента курса. «Лучшего», — усмехнулся Георг, вдавливая окурок рифленой подошвой в мягкую почву. Изуродованный тяжелым ботинком, окурок мигнул крошечной искоркой. Прежняя жизнь кончилась. Георга ожидали увольнение со службы и пособие. Жрать что дают, ночевать где укажут. «Прежняя жизнь?» — лицо исказила ухмылка. Не слишком ли грядущее похоже на армейскую его жизнь? Делает что велят, ест что дадут, спит... «Нет», — вздохнул Георг. Слишком они непохожи, грядущее с нынешним.

В эпоху глобального всепланетного кризиса армия стала единственным местом, где поколение Гамма могло обрести приличное будущее. А куда деваться? Вольготные места на гражданке заняты родившимися до эпохи «Ну вот, началось», остальные роботами. Покупательская способность большей части населения устремилась под плинтус, разделив жителей на «устроившихся» и «на пособии». Средний класс пытался барахтаться, дергать лапками, но умер, так и не осознав до конца катастрофы. Сотни, тысячи ученых всех степеней, регалий и званий предсказывали апокалипсис и, разумеется, их никто не услышал. Тяжелая махина экономики потребления обладала выдающейся инерцией и не думала сбавлять обороты.

А потом наступил всепланетный вооруженный конфликт. Борьба за ресурсы, территории, сферы влияния... Прогресс не стоит на месте. В него вкладываются астрономические средства. Победит тот, кто на его вершине.

«Пуля — дура, дрон — молодец», — решил кто-то из высших, и в одночасье война стала войной дронов. А кто в ней справится лучше ежедневно натирающих мозоли от джойстиков на игровых посиделках? Юные дарования от тринадцати до тридцати, с мгновенной реакцией, потрясающими аналитическими способностями, собирающие шарик Кибура за две и четыре десятых секунды — великолепный ресурс для удаленного боя. Конечно, не было ничего проще, чем наклепать несколько миллионов джойстиков нового образца, однако заданный экономией потребления вектор тянул ведущие умы совсем не туда, куда следовало. Вместо простых эффективных решений балправили эффектные сложные. Пятьдесят лет назад на

планете завершилось чипирование населения. Банковские счета, связь, аккаунты — отныне все в твоей голове. Разве не чудо? Разве могли военные пройти мимо дара прогресса? Прямой интерфейс! Тебе не нужны ни экран, ни джойстик, просто сосредоточься на игре. Взрослой игре. Оставь грязные вопросы политикам, а розовые сопли маменькиным сынкам. Бей, круши, доминируй. Перед сном, за завтраком, на перемене в школе, в клубе с друзьями. Один фраг — десять кредитов. И тебе ничего, совсем ничего не будет.

Интерфейс — прямой, дроны не дешевы, а потому с чипа сняты ограничения на весь срок контракта. Электроника обостряет чувства в десятки, тысячи раз... Нет, сердце не успевает взорваться. Не оно выходит первым из строя. Не хочешь забрызгать мозгом родителей, пока те выедают его за дурацкий «неуд» по физре? Не хочешь бахнуть серым своим веществом в потолок на шоу «Кто подставил бобика Тотжера»? Глуши эмоции. Транквилизаторы в помощь. Совсем по чуть-чуть, ведь завтра новая миссия, парни! Парни энд герлы! К ней вы должны быть в светлом уме! Прямой интерфейс! Полный контакт!

Георг хорошо помнил день окончания безумной войны. Никто не одержал в ней победы. Сотни тысяч юнцов, семьям которых сулили абсолютную безопасность, в одночасье оказались убитыми собственными дронами. Воюющие страны вывесили траурные флаги и объявили перерыв до обеда в новом году.

Прогресс всегда увлекался чрезмерностью. Не смотрел под ноги. Не вникал в частности. Крошечная червоточина в коде абсолютных координат, в коде использовавшимся повсеместно в их мире, простенькая самовосстанавливающаяся утилита неизвестного хакера, и вот — запущенный дрон возвращается, подмигивая всеми своими боеголовками. Ты можешь выйти из миссии, можешь до одури нажимать кнопку отбоя, можешь даже бежать. Бесплезно. Ты уже труп. Он придет за тобой. Твой собственный дрон. Потому что координаты цели навсегда у тебя в голове. Между личным аккаунтом и карточкой социального страхования... Точнехонько промеж глаз. Полных ужаса пред неизбежным.

Георг хорошо помнил десятисекундный фиГ — снимок, обошедший за сутки медийное пространство страны. Пареньку от силы пятнадцать. Пальцы отчаянно давят кнопку отбоя, в глазах паника, неверие, несколько фрагментов жизни мелькают в зрачках, и быстро седеющие выющиеся волосы за мгновение до дрона.

В семнадцать лет родители отдали Георга в армию. Его дед, почитатель литературы старой Земли, на семейном совете так и сказал — «Не хомут ты на нашей шее, внучек, иди-ка ты в армию». Делать было нечего, родители сидели на пособии, единственная надежда оставалась на школьника-сына. Пожизненного ботаника, растяпу и редкостного неудачника, сидеть за одной партой с которым считалось моветоном у его одноклассников. На что рассчитывала родня, для Георга так и осталось непонятым. Устроиться в действующие войска не было ни единого шанса, оставались вспомогательные подразделения. Повара, аниматоры, ремонтники и прочие неумехи. Дед с раннего возраста привил внуку любовь к чтению, и юношу определили в «театралы», развлекать скучающую солдатню. Тем было отчего скучать — дроноводы отняли у военных всякую надежду на участие в боевых действиях. Армию за ненадобностью собирались даже прикрыть, но на защиту многолетних традиций встали сами вояки. Общую краткую мысль они выразили несколькими емкими словами, так что ведущим менеджерам экономического развития крыть стало нечем. Слов было всего три, но их хватило, чтобы отбить любые попытки списать многомиллионные подразделения на «пособие», а боевую технику — на металлолом.

Годы службы не прошли для Георга даром. Между уставом, инструкциями и муштрой, назначенные, кто бы мог подумать — даже «театралам», он научился сквернословить, пить, курить, походя лишился девственности, а до всего прочего — пристрастился к стрельбе из снайперки.

Всякий раз, когда между комедийным стендапом, картами, выпивкой и пылкими Изабеллами выдавалось свободное время, Георг отправлялся в войсковой тир, где с удовольствием разносил в труху ростовые мишени на километровых дистанциях. Любимое чтение было забыто. Приклад тяжелой винтовки, гуттаперчевый, едва не всасывающий тебя самого в объектив наглазник, легкий шепот выстрела, мягкая отдача, плавный ход затвора, были для Георга музыкой, миром, и даже — Вселенной. Отдать, выплеснуть себя в дульную энергию, увидеть разлетающиеся клочья пораженной цели... Оглянуться на вытягивающееся лицо инструктора, дослать очередной патрон и поразить следующую.

Ему светило участие в мировом состязании. Война — войной, а международные спортивные игры никто не собирался отменять. Большая часть населения, хотя и сидела на жалком пособии, исхитрялась выкраивать из скудных запасов несколько десятков кредитов ради яркого зрелища. И таких «десятков кредитов» набиралось на десятки миллиардов, совсем не лишним в эпоху глобального кризиса. Об этом знали все воюющие стороны.

Планам не суждено было свершиться. Ужасающие потери сторон нисколько не умилили мечту о дальнобойной войне.

«Дрон — дурак, пуля — красавица!» — в очередной раз хорошо подумали на самом верху. Будем истощать противника пусть не на тысячекилометровой, но хотя бы на трехкилометровой дистанции. Девиз тот же — «Один фраз — десять кредитов!» Или даже пятнадцать с учетом инфляции. И хакеры нам не страшны! Конечно, придется расчехлить законсервированную технику прошлых столетий, вспомнить старинные дисциплины — что из того? Не менять же доктрину бесконечного потребления в эпоху военного капитализма? Ведь тогда миллионы роботов потеряют работу, а обслуживающий их персонал — пособие! Война, так война. До последнего. Жителя, винтика, гаечки. Раскрученный в далекие годы маховик не имел права на остановку, чего бы это не стоило остальным.

Зачисление на курсы высокоточной стрельбы прошло автоматически, едва данные результатов стрельб появились в верхних табличных строках.

Кто же мог знать, что лучший стрелок, краса и гордость выпуска... показывал высочайший уровень лишь на неодушевленных мишенях?

Ну не мог Георг расстреливать забавных пушистиков. С дергающимся носиком-кнопкой, прижатыми ушками... Теплая, беззащитная милота.

В детстве у него был ручной хорек. Полная противоположность очаровашкам-ушастикам. Текучая, молниеносная бестия, не вызвала и десятой доли симпатии. Хорек едва не сводил Георга с ума. С каким удовольствием он обменял бы его на морскую свинку или пакетик мятных леденцов! Но, увы. Никто не хотел связываться с хорьком. Его подарили на десятилетие. Первую в жизни круглую дату. Семья почему-то решила, что забота о таком хулигане пойдет на пользу Георгу. «А то, тихий, какой-то, задумчивый», — высказалась на его счет родная бабуля.

Кое-как Георг все-таки приспособился к своему воспитаннику. Не сразу, но развивающимся периферийным зрением он научился присматривать за зверьком, не отрываясь от чтения. Это было непросто. Хорек бесчисленное количество раз покушался на семейный кофейный сервис, столько же — намеревался насмерть загрызть дедушкину подушку, и раз двадцать едва не свалился в кастрюлю с варящейся кукурузой откуда-то с потолка. Георг не раз задумывался, не превратил ли навык одновременного сосредоточения и наблюдения прошлого ботаника в лучшего снайпера курса? Но был точно уверен, что не станет превращать живых кроликов в кровавое месиво.

Даже если это приведет к уходу на пособие. С тех пор, как армия вернулась в дело, необходимость в «театралах» пропала. И надо признать — если бы не выдающиеся результаты стрельбы, пособие наступило бы гораздо раньше.

Ну, что же, он знал на что шел...

— Струйка пота? Да, сэр, я дернулся и промазал... И получил «незачет»... То, что я разнес цель километром дальше, вас, разумеется, волновать не должно...

Разговор с полковником не занял и пяти минут. Процедуры исключения и увольнения прошли едва не быстрее.

Десяток подписей, пара циркуляров и предписаний держать язык за зубами, обходной лист...

Полковник хмуро посмотрел на закрывшуюся за Георгом дверь, подошел к телефону, быстро набрал номер.

— Да... Так точно, сэр, отличный экземпляр... Совершенно верно... Лучший стрелок, что я знал... Да, и я считаю, что разбрасываться такими кадрами глупо... Нет, никаких проблем, мы все устроим... Всего наилучшего, сэр...

Осталось забрать вещи, да вернуть на КПП документ, подтверждающий, что ничего он, Георг, армии не должен, и взятые книги отправлены в библиотеку. Пустяковое, казалось бы, дело, но в казарме его поджидали.

Мрачные Симо со товарищи, ненавидели «театрала» с самого первого дня. Бывшие дронеры, благодаря отпуску уцелевшие в мясорубке последнего дня их войны, они всячески кичились прошлыми боевыми заслугами, хотя на стрельбище едва перешагнули километровую дистанцию. Сама мысль, что какой-то полувоенный в лёгкую делает их на огневом рубеже, наполняла души злобой и завистью.

И вот теперь пришла пора поквитаться за душевные раны. Справедливость наконец-то восторжествовала — завалив стрельбы, Георг существенно понизил рейтинг курса.

— Ну, что, умник? — начал заводиться Симо. — Любитель зайчиков — кроликов...

Больше ничего он сказать не успел. Короткий сильный удар пришелся в солнечное сплетение, отправив бывшего дронера на чисто вымытый пол. Пусть Симо со товарищи и значились ветеранами боевых действий, но у Георга за плечами было целых шесть лет настоящей армии, где он не только лишился девственности, но и научился боксировать. Последнее — согласно программе обязательной физической подготовки, распространяющейся даже на «театралов». Симо со товарищи похвастать таким умением не могли. «Диванные» войска все еще лежали грудой скрюченных тел, когда Георг с баулом покидал помещение.

Специализацией группы Симо была работа в тылу противника. Точнее — устройство паники среди населения. «Убивайте, Убивайте, Убивайте!» — стало девизом. Их дроны охотились на гражданских. Гражданских и только гражданских. Детей, женщин, стариков... Военных не трогали. Работали из засад, били по площадям, по скоплениям, терзали поодиночке. Подвыпив, Симо любил рассказывать, как два часа истязал старичка. Дрон кружил, зависал перед лицом, исчезал из поля зрения, чтобы спустя пять минут появиться и симитировать атаку, так что в итоге у бедняги не выдержало сердце.

«Вы бы видели, как он валился на колени и махал носовым платочком!» — смаковал за бутылкой Симо. — «Помню, птичка распознала вышивку — „С любовью от Джен“... Жалкое зрелище... А вот ещё был случай...»

Пристрастившиеся к кровавым деяниям, бывшие дронеры и на огневом рубеже не изменяли натуре. Расстреливали только живые мишени, после их тренировок стрельбище превращалось в кровавое месиво. Роботам-утилизаторам приходилось целыми ночами выжигать кроличьи брызги, а то и вовсе перестилать дерновой слой.

Злая ухмылка застыла на лице Георга. Он едва сдерживался, чтобы не вернуться, и не навалить подонкам по полной...

От мрачных раздумий его отвлек перегородивший дорогу сержант военной полиции.

— Рядовой, Георг Краун, вы арестованы за избиение сослуживцев! — в руках сержанта сверкнули зевы распахнутых кандалов.

Армейская дисциплина не успела выветриться из подсознания и, прежде чем Георг удивился этой нелепице, его руки сами собой протянулись вперед. Лишь когда запястья оказались скованными, он вспомнил, что во-первых, уже не рядовой, и военная полиция не имеет к нему никакого отношения, а во-вторых, максимум на что тянуло недоразумение в казарме — это дисциплинарное взыскание, но никак не арест.

Еще большее удивление вызвал мигом остановившийся рядом большой черный джип. Георга втокнули в салон, и джип, управляемый автопилотом, взвыл электромотором, стартуя в сторону административного корпуса. В воздухе салона Георгу почудился слабый аромат сирени, но это единственное, что было осознано перед беспамятством.

Открыв глаза, Георг долго не мог прийти в себя. Со зрением творилась сущая ерунда. Окружающий мир исказился, размылся, приобрел какую-то невероятную выпуклость и окрасился в сине-зеленый. Немедленно накатил приступ тошноты, его повело в сторону, сознание замутилось.

— Черт, он не выдержит, два миллиграмма эпинефрина, срочно!

В груди что-то бахнуло, Георг вздрогнул, возвращаясь к реальности. Он приоткрыл правый глаз... Сине-зеленое, простирающееся от горизонта до горизонта, расплывчатое... Открыл левый... В голове вспыхнула молния... Два совершенно отдельных обзора никак не хотели слиться в один. Примерно сто восемьдесят градусов слева, и столько же справа. Картинка не складывалась. Он опять пошатнулся, переступил лапками и окончательно ушел в сумрак.

Следующие пробуждение ничем не отличалось от предшествующего. Все тот же искривленный нечеткий мир по обоим бортам мохнатой мордочки. Сине-зеленое марево нескладной картинки дополнялось необыкновенными звуками, запахами, откликом вибриссов... Георг едва не спятил. Что за чушь? Он умер и переселился в кролика?

— Успокойся, — раздалось откуда-то сверху.

Георг повернул голову, пытаясь разглядеть говорившего, но никого не увидел.

— В настоящее время ты лежишь в нейрокапсуле, а мозг через чип, соединен с чипом, имплантированным в *Oryctolagus cuniculus*. Кролика обыкновенного. Сейчас ты управляешь, скажем так, аватаром. Да-да, почти как в знаменитом «Аватаре» со Старой Земли.

Голос замолк, давая Георгу время осознать текущее положение дел.

«И за каким дьяволом, я вам понадобился?» — хотел спросить он, поперхнувшись собственным писком. Писком?! Он вспомнил ту древнюю кинокартину, но понять происходящее это не помогло.

— Зачем? — словно подслушав невысказанное им, переспросил голос. — Все просто, мистер Краун. Армия не захотела терять высококлассного специалиста в области снайперской подготовки. Да, ты не прошел тест на убийство, но тем не менее, все еще можешь сослужить хорошую службу.

«В каком это смысле?» — пискнул Георг, пытаясь прийти в себя от услышанного.

— В том смысле, что из тебя получится прекрасная мишень для тренировки снайперов академии. Согласись, одно дело стрелять неразумных зверьков, и совсем другое — попробовать завалить лучшего снайпера курса. Ты знаешь особенности высокоточной стрельбы, знаешь, как доставить стрелку максимум неудобств, знаешь искусство маскировки и тысячи тонкостей. Твоя роль в этом проекте уникальна! Есть еще области, где искусственный интеллект не может тягаться с нами. В другом случае дело поручили бы нейросети. Дешево, быстро, доступно. Но, увы. Машине не хватает интуиции, лоска, предчувствия. Что бы не ходить вокруг да около, расклад такой. Есть два варианта. Первый. Мы прямо сейчас разрываем контакт с аватаром, вытаскиваем тело из нейрокапсулы и отправляем его на пожизненное пособие, — голос выдержал паузу. — Или второй. Ты соглашаешься поработать мишенью. Контракт, высокая оплата, пожизненная пенсия. Что скажешь?

Выбора у Георга не осталось. Как и шанса на то, что оставят в живых после отказа. Выпустят на пособие, после того, как снабдили такой информацией?

«Я соглашусь, но... Мои мысли... Они будут известны стрелкам? В обычных условиях снайпер не знает о намерениях своей жертвы».

— Мысли? Нет, сынок, наши ученые еще работают над их прямым чтением, но далеко не продвинулись. Все что удалось сделать — простейший синтезатор распознающий человеческую речь, точнее то, что подопытный, в нашем случае — ты, хочет сказать. Разумеется, мы отключим его, давать такое преимущество стрелкам не входит в наши планы. Единственное их преимущество — обесточенные предохранители чипа. После анализа боеготовности армии, было принято решение отключить систему безопасности. Электроника улучшит реакцию солдат. Армии необходима полная самоотдача, от всех и каждого. Однако предохранитель в твоём чипе все-таки включим. В целях безопасности. Никто не знает, как подействует на человеческий мозг смерть аватара. Как понимаешь, она несомненно случится.

«Я все хотел спросить, сэр», — неожиданно вспомнил Георг. — «Почему в качестве мишеней вы используете кроликов?»

— Святая простота! Ты не знал? — в голосе прозвучало нескрываемое удивление. — Сынок, приди в себя! У нас экономика военного капитализма. Использовать дронов в качестве мишеней — слишком дорогое удовольствие. Да и ни один автоматический цех не угонится по производительности за кроликами, которые, ко всему, почти ничего не стоят.

«Понял, сэр», — обалдело пискнул Георг, но тут же поправился. — «Когда приступаем?»

— Не спеши, рядовой, — наставительно заметили ему. — Сначала — полная адаптация к телу, зрению, чувствам. Особенно к зрению. Если человеческий мозг приспособится к круговому обзору, то это свойство будет использовано в военных разработках. Согласись — возможность обозревать целиком полусферу, ценное преимущество на поле боя. Кстати, за участие в научно-исследовательской деятельности тебе положены дополнительные выплаты. Но это так, небольшой сопутствующий бонус. Основное же твое предназначение — подготовка снайперов.

— Готовить будешь на собственной шкуре, — хохотнул говоривший. — У тебя два месяца на адаптацию. Это и оставшееся по новому контракту время проведешь в нейрокапсуле. Нам совсем не хочется прерывать связь с аватаром и начинать адаптацию с телом, и сызна — с тушкой. Экономика военного капитализма такой роскоши не позволяет. Разумеется, выплата за неудобство будет солидной. По возвращению на гражданку, будут ждать пенсия...

Голос говорил и говорил, погружая Георга в апатию. Он не верил, что вернется из этой заварушки живым. Пенсия, выплаты? В эпоху тотальной экономии? Серьезно? Как там говорится — «Один фраз — десять кредитов! Убивайте — убивайте — убивайте! И вам за это ничего не будет!» Да, действительно им за это ничего не будет...

Два месяца тянулись бесконечно долго. Мозг человека с трудом осознавал себя в теле кролика. Две четвертинки зрительной сферы никак не желали складываться, очертания предметов расплывались, а мир не хотел менять окрас с синего — зеленого на привычный.

Первые дни кролик провел на специальной диете, наполняющей душу тоской и унынием. Зато, когда отправили на свободный выпас, та улетела в космос с первого же схрамканного одуванчика. Примитивный мозг кролика строго делил пищевую базу на вкусно и пакостно, передавая ощущения в мозг человека, а уж тот заходил в экстазе. «Вкусно» по представлению кролика для человека оказалось — «божественным».

Апатия покинула сознание и то, на свободном выпасе, заработало во-всю. Несовершенная в сравнении с человеческой система зрения кролика получила значительную коррекцию после обработки зрительным центром Георга. Края картинки слились в единую полусферу, контуры предметов обрели четкость, и даже синее-зеленое окружение мозг-обманщик ухит-

рился расцвести в меру своей восприимчивости. «Человек очень интересное создание», — не переставал удивляться Георг. «Он привыкает к чему угодно!»

«Даже к петле. Поддержается-поддержается и привыкает», — мрачно добавил он. Кролик в петле. Кролик в силках. И живым они не отпустят. С этими «они» надо было что-то делать. Сдаваться Георг не хотел.

Первые стрельбы прошли неудачно для кролика. Опытный снайпер уколошил его с третьего выстрела. По телу Георга прошла судорога, челюсти сплющили мундштук дыхательной трубки. Его привели в чувство в следующем аватаре. Сознание, почти не прилагая усилий, освоилось в новом теле, стрельбы продолжились.

К исходу шестого аватара, Георг начал показывать навыки противоснайперской подготовки. В голове заработал секундомер, интуиция просчитывала задержки между выстрелами, прекрасное зрение слилось с обострившимся слухом, к ним прибавилось невероятное осязание, казалось намерения снайперов угадывалось им напрямую. Юркое тело с каждым разом все быстрее уходило с линии огня. К четырнадцатому аватару Георг стал неуязвим.

Они бросили против него весь арсенал. Лица опытейших снайперов заходились пятнами от бессилия. Проклятый кролик предчувствовал каждый их выстрел. Иногда аватару хватало поворота головы, чтобы пуля ушла в молоко. Это была какая-то мистика. Наваждение. Магия.

Академия выбросила белый флаг.

— Ну, что же, — констатировал голос, — на славу потрудились, сынок. Однако, мы поставили еще один эксперимент. В нем участвовал Искусственный Интеллект. Каждое твое действие было тщательно проанализировано нейросетью, результаты хотя и не такие выдающиеся, но последние объявлены недостижимыми в реальных боевых условиях. А посему в твоих услугах мы более не нуждаемся.

«Вы отпустите меня домой, сэр?» — Георг постарался, чтобы писк его аватара был полон надежды. Начиналась игра. Серьезная игра...

— Домой? — удивился говоривший. — Сынок, ты серьезно считаешь возможным, чтобы человек твоих способностей остался в живых?

«Но как же обещанная пенсия и надбавка за участие в экспериментах?» — писк Георга был полон отчаяния. «Неужели вы обманули меня, сэр?»

— Мертвому кролику они не потребуются, — равнодушно заметил говоривший. — Мы выключим ограничитель твоего чипа. Надеюсь, этого хватит, чтобы первое же попадание покончило и с аватаром и с тобой. К сожалению, просто прикончить тебя нельзя. Набегут следователи, начнется тухлое дело... Нам ни к чему эти сложности — мозг просто не выдержал... Ничего особенного в наши нелегкие дни. В качестве благодарности мы позволим тебе самому выбрать группу снайперов и закончить жизнь, как и подобает солдату — на поле брани. С честью. Твоей семье будет выплачена стандартная компенсация.

«А если у группы ничего не выйдет? Что тогда?» — поинтересовался Георг, внутренне ликуя.

— Тогда просто вызовем дронов, и те выжгут полигон в ноль, — констатировал голос. — А после уложат новый дерн. Это выйдет дороже, чем подтереть останки локально, но ничего не поделаешь. Тебе в любом случае не уйти живым. Итак — кого выбираешь? Группу снайперов, или огненное погребение?

«Йеесс!!!» — мысленно воскликнул Георг, и ответ не заставил себя ждать.

«Симо. Пусть это будет группа Симо».

— Готовься к смерти, ублюдок, — злобно прошипел Симо, занимая позицию. — Я сам его сниму, парни. Не вмешивайтесь.

— Но, как же так, босс? — возмутились сотоварищи. Зажившие синяки и ушибы все еще требовали своей доли отмщения.

— Я сказал — не вмешивайтесь! — рявкнул Симо. — Он — мой!

«Ну — ну», — весело усмехнулся Георг.

— Четыре обоймы и ни одного попадания? — разочарованно протянула группа получасом спустя.

Красный как рак Симо недобро покосился на них.

— Ладно, займите позиции, — буркнул он. — Патронов не жалеть...

Георг внутренне потер лапки. Именно этого он и добивался.

— Что он делает? — изумился полковник, разглядывая происходившее на мониторе.

— Дурачится, сэр... — выдавил заместитель, корчась от с трудом сдерживаемого смеха.

Георг дурачился. Его братец Кролик выдавал кульбиты и подскоки, мордочка корчила умопомрачительные гримасы, ушки порхали, как крылья бабочки. Он спотыкался, падал, выписывал пьяные кренделя, и смотреть на проделки зверька без смеха не было никакой возможности.

Еще на гражданке Георгу видел древнюю, привезенную со Старой Земли комедию «Кто подставил кролика Роджера», на основе которой уже десять лет крутят популярнейшее — «Кто подставил бобика Тотжера». Конечно, туповатое шоу и рядом не стояло с самим фильмом, но когда это останавливало продюсеров? В одной из финальных сцен комедии главный герой дурачится, заставляя мультипликационных хорьков в буквальном смысле умирать со смеху. А еще Георг в детстве прочел старинную повесть неизвестного автора — «Мистер Смех». В ней нашли так называемую формулу абсолюта смешного. Буквально несколько движений, пара незамысловатых жестов, и люди валятся в корчах, синее лицом и вызывая к пощаде.

В юности, когда занимался ручным хорьком, этой текучей бестией, ни секунды не сидевшей на месте, Георг собрал некоторую информацию об этих зверьках. Оказывается, у хорьков существует так называемый танец. Танец смерти. Кружение на месте, подскоки, броски в разные стороны — в совокупности вводят жертву в подобие транса, сводя на нет способность к самозащите.

Да. Сейчас Георг и был тем самым хорьком. Хорьком-Кроликом. Кроликом, у которого за плечами были годы стендапа, был Мистер Смех, была знаменитая комедия. Кроликом исполняющим боевой танец хорька. Роли сменились, господа. Вы считали, что охотитесь на меня? Ошибаетесь. Это я охочусь за вами. Вы ведь не забыли, что предохранители в чипах обесточены? Да, прямая связь с дроном, требовала от мозга полной отдачи. И тот не выдерживал сильных эмоций. Убийство незащищенных гражданских, расстрел живых мишеней на полигоне, вряд ли вызывают их у диванных вояк. А вот смех... Смех другое дело. Он убьет вас. Всех и каждого. Беспощадный, скручивающий брюшные мышцы, не дающий ни мгновения передохнуть — смех...

Через двадцать минут группа Симо погибла. А еще через пять — руководство Академии и организаторы эксперимента. Телеэкраны не стали препятствием и Смех не пощадил никого.

Неизвестно, помогли ли Георгу покинуть нейрокапсулу, или удалось разорвать связь с аватаром и выбраться самому, но его тело так и не обнаружили. Ни его, ни кролика номер четырнадцать. Все записи о личности Георга Крауна оказались стертыми. Его словно и не существовало. Через месяц по завершению расследования Академию закрыли вместе с результатами эксперимента. Солдаты разбрелись по казармам до следующего решения сверху. Предохранители в чипах снова включили.

А через полгода в стране появился странствующий по городам уличный артист, выступающий с белым кроликом. Он и сейчас собирает аншлаги. Зрители в полном восторге.

примечания:

На самом деле это не о повесть, а рассказ «Мистер-смех» советского автора Александра Беяева, выпедший в свет в 1937 году.

Евгения Зимина «СЕЛО С НЕПРАВИЛЬНЫМ НАЗВАНИЕМ»

Отец Илья запер двери храма, включил сигнализацию, убедился, что ворота в церковный двор остались открытыми для плотника, с которым он сговорился насчёт мелкого ремонта... Вздыхнул. Обогнул церковь, подошёл к сараю, примыкавшему к забору. Огляделся. Отодвинул самую широкую доску, держащуюся на одном гвозде.

Яркое мартовское солнце ударило прямо в лицо, глаза заслезились. А, была не была! И он решительно вылез в маленький переулок.

Раздался смех. Ох, привёл же Господь сюда эту чуму! Отец Илья перешёл в тень и посмотрел на смеющуюся девушку. Вся в чёрном, волосы красные... Где-нибудь в средневековой Европе её бы точно сочли ведьмой.

Девушка вдруг посерьёзнела и сказала с сочувствием:

— Николая у церкви нет. Он у «Озона» ошивается. Во-о-о-от с такой монтировкой.

Священник сделал вид, что его это не касается, но всё же ответил:

— Спасибо, Ольга Алексеевна.

— Сходили бы вы к Равилу Мамедовичу.

— Как-нибудь.

Девушка пожала плечами и пошла к школе. Отец Илья зашагал домой.

Глупо вышло. Недостойно священника украдкой покидать церковный двор. «Аки тать в нощи», — подумал он. Да ещё и на Ольгу налетел.

Ольгу он помнил ещё школьницей, когда пять лет назад приехал с матушкой и маленькой дочкой в Иванниково. Молодой, энергичный священник сразу всем полюбился, в том числе и Ольгиной бабушке. Ольга тоже в храм ходила, неприметная такая девушка. Домашняя. Родителей её не стало, когда та была совсем малышкой, и воспитывала её бабушка, с гордостью всем потом рассказывавшая, что уехала внучка в город и учится там на айтишницу! Единственная девчонка на курсе. Потом пришли новости, что Ольга выходит замуж. А потом вдруг та вернулась на родину. Вместо спокойной домашней девочки — языкастая девица в чёрных одеждах, волосы то рыжие, то зелёные, то чуть ли не красные...

В дипломе у Ольги было указано, что она имеет право преподавать, и она отправилась в школу, наповал сразив своим видом директрису.

— Оленька, — сказала Зоя Павловна. — Зарплата-то у нас невелика.

— У меня хорошая удалённая работа. А бабушка говорит, учителя информатики в школе нет.

— А ты вроде замуж собиралась?

— Собиралась, да. А он мне сказал, что ему надо яркости в жизни, а не серую мышку.

У директрисы отлегло от сердца — она уж начала опасаться, что девица в какую-то субкультуру подалась, а она, оказывается, от обиды так нарядилась. Поработает, забудет свои чёрные тряпки...

И Ольга начала работать, да так, что даже у самых скептически настроенных родителей рты позакрывались сами собой и сплетен больше не несли. А после того, как Гришка Курицын съездил в город на конкурс по робототехнике и даже привёз оттуда поощрительный приз, школа начала молиться на новую информатичку и на Гришку, который вознамерился на следующий год взять первое место. Но одевалась Ольга по-прежнему странно. И настоящая причина того, что свадьба расстроилась, слегка отличалась от той, что была поведена Зое Павловне, о чём знали лишь Ольга и её бабушка. Совсем слегка отличалась.

Отец же Илья обратился к Ольге зимой с просьбой помочь сделать сайт для церкви, но переусердствовал: начал уговаривать вернуться в церковь, снова посещать службы... Ольга наотрез отказалась и от служб, и от сайта. И с тех пор всякий раз, когда с ним говорила, в голосе её чувствовалась насмешка, что ли...

Супруга отца Ильи укоризненно говорила:

— Что ты на людей бросаешься? Сначала бы с сайтом помогла, там, глядишь, и стала бы снова в храм ходить...

Отец Ильи мрачно сопел, признавая правоту матушки.

А вот теперь и посоветоваться не с кем — матушка в городе. Дочка ногу стала как-то косо ставить. Врачи уверили, что всё поправимо, но надо много времени проводить в клинике. Вот и сейчас они там, и приедут только через неделю. А неделю ещё прожить надо. По телефону же о такой проблеме не знаешь, как и сказать.

Проблема у отца Ильи была серьёзной. Колька Погодин пил. Он пил всегда, но сейчас особенно сильно. И зверел тоже сильно. Недели две назад он повздорил с директором местного сельхозпредприятия, который пригрозил его уволить за вечную пьянку. От злости Колька залез в контору, всё там покрушил и прихватил с собой новую бензопилу. По дороге домой — или куда его там черти несли? — он в потёмках встретил отца Илью, который шёл с соборования умирающей бабки Дарьи. Отец Ильи рассеянно кивнул Кольке. Наутро директор конторы проследил за Колькиными действиями по камерам, собственноручно забрал у того из дома пилу и сообщил, что тот уволен.

Колька же счёл, что на него настучал отец Илья. Сначала священник отнёсся к этому с юмором. Но по мере того как Колька пил, он всё чаще грозился убить отца Илью. Тот пошёл поговорить с заблудшей овцой.

— Послушай, Николай, да зря ты на меня думаешь. Там же камеры, по ним тебя и увидели. Я тебя в тот вечер тоже видел, но...

И так далее, и так далее, только всё напрасно. Колька ничего не хотел слушать. Его запой не прекращался, а угрозы с каждым днём становились всё страшнее. Отец Илья был вынужден ходить окольными путями. Может, и правда сходить к участковому, Равилу?

Равиля в селе любили. Его родители оказались в Иванникове ещё по комсомольской путёвке, родился он здесь, однако и своих обычаев не забывал. Идти к нему отец Илья стыдился. Во-первых, священник сам должен уметь воздействовать глаголом на нечестивых пьяниц. Но с Николаем это выходило плохо. Во-вторых, мужики говорили, что Равиль уже сделал Николаю сотню внушений. А в-третьих, с Равилем отец Илья тоже в своё время переусердствовал. Прихожане как-то сажали цветы у храма, а Равиль проходил мимо и залюбовался клумбой. Отец Илья подошёл, они поговорили о цветах, а потом батюшка зачем-то вступил с участковым в теологический спор. Равиль вежливо его выслушал, улыбаясь и кивая, а потом сказал, что он безмерно уважает пророка Ису, рождённого святой девой Марьям, но всё-таки веру менять он не собирался и не собирается.

Матушка потом снова укоряла отца Илью, даже всплакнула. Участковый оставался неизменно вежливым, хотя разговаривали они только по делу.

Вот в таких думах и воспоминаниях отец Илья пришёл домой, позвонил жене, поговорил с дочкой и собрался было почитать, как затрезвонил телефон. Не может ли отец Илья освятить дом? Конечно, отец Илья пытался сказать, что к таким вещам надо готовиться заранее, уборку сделать, но... Марии Сергеевне всегда и везде чудились бесы, и отец Илья точно знал, что если не освятить ей дом сегодня, то она будет звонить не переставая, а бесы будут чудиться уже ему самому. По правде, женщине надо было бы посетить психиатра, но в психиатров, в отличие от бесов, она не верила.

Всё действо затянулось, потому что Мария Сергеевна желала поговорить на множество разных тем. Впрочем, отец Илья прекрасно понимал, что он — единственный, кто может помочь ей среди моря выдуманных тревог и полчищ бесов, осаждающих её бедную голову.

Когда он вышел на улицу, было уже темно. Луны не было видно, звёзды светили тускло и безрадостно. Он свернул на свою улицу и поморщился — фонари не горели. Надо было постараться не упасть в лужу или не свалиться в канаву.

Вдруг он увидел, или, скорее, почувствовал, как от ближайшего столба отделилась тень, темнее самой ночи.

— Вот и в-в-всё, — пьяно сказала тень. — Капец тебе, с-с-стукач.

У отца Ильи зашумело в ушах. Он попытался что-то сказать, но не мог. Тень двинулась к нему. Шум в ушах усилился, в висках застучало, и вдруг прямо между ним и тенью показался в воздухе силуэт с крыльями, словно белая птица в слабом свечении. Мигали огоньки, шум в ушах нарастал. Тень взвыла, отбросила в сторону монтировку и с воплями рванула прочь. Отец Илья сделал шаг, голова закружилась, его повело, и он с коротким криком съехал в канаву, полную талой воды.

Раздался топот бегущих ног, луч фонарика ударил в лицо батюшки, и над канавой нависло лицо Равиля. Подбежал и его сын.

— Почему, почему Вы не пишете на него заявление? — горячился Равиль, помогая отцу Илье вылезти из воды. — Я и так ему предупреждения каждый день выношу! Но ведь нужны Ваши показания, именно Ваши! Хорошо, что мы во дворе были и крики слышали! Что произошло?

— Птица... Белая... Прогнала его, — выговорил отец Илья.

— Курица, что ли?

— Нет... Прилетела. Большая. С ворону. Вся в огнях...

— Так, Мурад, проводи батюшку к нему домой да Петю-фельдшера приведи, — распорядился Равиль и зашагал к Колькиной развалюхе на другом конце села. Остановился, будто почувствовал взгляд. В окошке ближайшего дома — Ольги и её бабушки — качнулась занавеска.

— Хм, — сказал участковый и улыбнулся.

Кольку он нашёл у калитки. Тот сидел на земле и, обхватив голову руками, раскачивался из стороны в сторону.

— Николай, — начал Равиль, делая вид, что просто проходил мимо. — Что это ты бегаешь, орёшь, людей пугаешь? Что ты тут расселся?

Колька посмотрел на участкового безумными глазами.

— Ангел... Ангел с нимбом... С мечом пылающим... Никогда больше... Закодируюсь... Ангел явился и руку мою безумную остановил...

Вера Равиля вовсе не отрицала существование ангелов, но дебошир, рассуждающий о пылающих мечях, заставил участкового усомниться.

— Ангел, ангел сошёл с небес, — прошептал Николай и вдруг зарыдал.

Равиль вытащил из кармана телефон.

— Мурад, ты ещё до Пети не дошёл? Беги скорее, а потом к Погодину. Тут, похоже, фельдшер нужнее.

И наутро всё Иванниково узнало от словоохотливого фельдшера Петра, что с небес сошёл ангел и спас отца Илью, а Кольке велел лечиться от запоев в психушке.

Равиль же днём отправился в школу. Дошёл до кабинета информатики. Дверь была открыта. Ольга, в длинной чёрной юбке с клёпками, в чёрной блузке с оборками, раскладывала на парте какие-то бумаги. Его она не видела. Равиль вдруг подумал, что если бы не клёпки и оборки, то наряд бы казался одеждой монахини. Ну, и волос красных у монахинь нет.

— Дочка, — сказал Равиль. — Ты ведь знаешь, что в нынешнее время на полёты дронов нужно специальное разрешение? Даже таких, самодельных?

Ольга замерла. Обернулась к нему. Потом вздохнула:

— Он бы убил его. Я за отцом Ильёй приглядывать стала, чтоб не случилось чего. Ненавижу пьяных.

У Равиля потемнело в глазах, и он вспомнил, как лет двадцать с небольшим назад он, начинающий ещё участковый, выехал на происшествие. У грузовика сидел вусмерть пьяный водитель, а на дороге валялся разорванный на две части мотоцикл с люлькой. А рядом — молодой мужчина и молодая женщина.

— Я понимаю, — сказал он, избегая взгляда девушки.

— Нет, — смутилась она. — Я сейчас не о маме с папой. Хотя и о них тоже. Я о женишке своём. Напился после вручения дипломов, говорил, что я мышь серая, я зашпорил, а он взял да и ударил меня. Потом прощения просил. Только я ушла от него. А не он от меня. Хожу теперь вот так, не мышь и не серая. А как белая ворона.

И вдруг расхохоталась — настолько нелепо звучало расхожее выражение в сочетании с чёрной одеждой и красной шевелюрой.

Равиль тоже засмеялся.

— Да мы тут, если посмотреть, все белые вороны.

— Кто, например?

— Да хоть я, Равиль Мамедович Алиев из села Иванниково, иноверец.

— О чём вы? Разве вас этим кто попрекал? Вашу семью все уважают!

— Ну, говорили раньше, что, мол, мы не как все. А потом привыкли. Так мы перестали в белых воронах ходить, хотя с возрастом... — И Равиль шутливо указал на свои чёрные волосы, в которых уже проглядывала седина. — И тебя выделяют не за красные волосы, а за то, что ты наших пацанов учишь. Да ещё как здорово учишь, дочка! Все оболтусы в информатику ударились. А отец Ильёй? Он очень деятельный, не как отец Игорь, помнишь его? Хотя... Искренне ли он верит? Кстати, что ты прикрепила к дрону? И откуда он у тебя? Сама сделала?

— Силуэт ангела из белого картона нашла прямо в школе, тут вон в ящике с Рождества украшения сложены. И огоньков всяких на ангела прицепила. Ничего такого в виду не имела, просто белый силуэт хотела, типа привидения. А тут — ангел. А дрон старый, я его ещё на первом курсе собрала, да так на память и оставила — мой первый квадрокоптерчик, считайте. А как священник может не верить в бога?

— А он сказал, что это птица была. Размером с ворону. Но он тоже достоин уважения, потому что ему безразлично наше село и люди. Он часами может с Марией Сергеевной говорить. Понимает, как тяжело ей, как тяжело её родне. Да и других подбодрит, совет даст. Двор церковный красивый. Цветы какие... Ну, не признал ангела, бывает. А вот Николай сразу сказал, что ангела видел. Он тоже не как все. Пьёт, ругается, дебоширит.

— То есть, у нас четверо — «не как все». Участковый, батюшка, информатичка и местный запойный алкаш, — снова расхохоталась Ольга.

— Да у нас все «не как все», дочка! Село в пору Беловороньем назвать, а не Иванниковым. Тем более, Воронье уже есть. Посмотри на односельчан: кто-то без умолку говорит о бесах, кто-то пытается вырастить в нашем климате арбуз, кто-то пишет хорошие стихи, а кто-то — нелепые песни, кто-то учит детей создавать замечательных роботов. Серых мышей не бывает, запомни. Каждая мышь в душе — белая ворона, тигр, ласточка, ангел, кто угодно. И уважения заслуживают все.

— Даже Погодин?

— Даже Николай, если он решил завязать и дело до конца доведёт. А ты единственная, кто придумал, как Николая напугать. Так что молодец. Только помни про запрет на дроны, ладно?

И всё закончилось у них хорошо. Собирался в райцентр в гости Равиль, отмечать с родственниками Уразу-байрам. Ольга доставала из шкафа летние платья и думала, что летом чёрные вещи она разберёт да часть выкинет. Николай Погодин лечился и важно рассказывал всем в палате об ангеле. Отец Илья поначалу расстроился, что сам не мог усовестить Николая, но счёл это важным жизненным уроком и испытанием. А ещё он как-то раз, наслушавшись всякой болтовни, спросил у Ольги что-то о дронах, но девушка начала сыпать техническими терминами, и он, поскучев, расспросы прекратил. Зато у него были другие поводы радоваться. Дочка его ещё слегка прихрамывала, но поправлялась, а матушка всё реже напоминала супругу, что все люди разные и что надо принимать их такими, какие они есть.

Сергей Кулагин «БЕЗ ФИЛЬТРОВ»

Кирилл Сорин проснулся, моргнул, но потолок оставался серым. Три года назад он почти месяц заказывал линзы дополненной реальности, надеясь, что новые «приживутся». Увы, не прижились. Нейрохирург развёл руками: «Редкая аномалия, ничего опасного... отторжение». «Ничего опасного, как же», — хмыкнул тогда Кирилл. Теперь он просто лежал, глядя в потолок...

В восемь утра город за стеной оживал. Слышался вой скорых, грохот проезжающих трамваев, сверху кашлял сосед-астматик, и его сухой, с хрипотцой кашель раздражал больше всего. Кирилл сел, свесив ноги. Он уже три года работал чистильщиком реальности — та ещё работа, но туда брали только тех, чьи нервные системы отторгали дополненную реальность, как у него.

Кирилл, встал, прошёл в ванную. В зеркале без цифровых эффектов отражался молодой человек с резкими чертами лица и тёмными кругами под глазами. Ему недавно исполнилось двадцать семь. Нет аватара, нет возможности превратиться в эльфа или хотя бы в киберсамурая. Прохожие не замечали — их устройства, настроенные на распознавание цифровых профилей, не могли его опознать.

* * *

Смена начиналась в половине девятого. Кирилл вечно опаздывал на полчаса. Ему нужно было привыкнуть и смириться, что «Аллея тысячи фонарей» — это обычный переулок с облупившейся плиткой и тремя тусклыми фонарями, и только один из них работал. Что «Серебряная башня», гордо возвышающаяся над городом, — всего лишь двадцатизэтажка с выбитыми окнами, смотреть на которую было страшно, а забираться на крышу — ещё страшнее. Что лица людей в дополненной реальности были далеки от идеала. Он-то видел их такими, какие они есть.

Навстречу шла женщина, чья серая, изношенная куртка в дополненной реальности выглядела как перламутровый костюм. Волосы, жидкие и грязные, для всех представлялись каскадом радужных локонов. Рядом шагал мужик — суровый викинг с руническими татуировками, в руках — два больших пакета из супермаркета. Кирилл улыбнулся, это показалось ему смешным. Он старался не смотреть слишком пристально, считал это неприличным — как будто он подглядывал в чужие окна. Парень давно понял, что его уникальность отгораживает его от жителей, словно невидимая стена. Это знание невыносимо тяготило. Но однажды он встретил ту, что заставляла его остановиться.

У девушки, сидящей на скамейке у фонтана, был знаменитый скин «Естественность» — жалкая имитация: выровненный тон кожи, лёгкое, очень неестественное сияние, но дешево. В дополненной реальности она была симпатичной, слегка идеализированной версией себя. Кирилл видел её реальной: веснушки на переносице, рассыпанные, словно крупинки корицы; рыжие, непослушные волосы, которые она постоянно заправляла за ухо; и глаза — серые, с тёмными кругами. Он находил их по-настоящему красивыми.

Её звали Аура, как греческую богиню, олицетворявшую нежный утренний ветерок. Он узнал это из её профиля, когда чистил сектор у фонтана — подчищал зависшие текстуры, наложенные на реальность криво, с зазорами. Она работала в «Лавке вкусных снов» — там еду из сои и водорослей превращали в изысканные блюда с помощью дополненной реальности. Красиво, но невкусно.

Кирилл приходил в «Лавку» почти каждый вечер. Брал кофе в автомате и шёл в дальний угол, оттуда было удобно наблюдать за девушкой. Вот только она не замечала его, и он решился. Подошёл к стойке и выдал:

— Кофе.

Аура подняла голову, улыбка идеальна, но он видел её без фильтров: кривоватая, с ямочкой на левой щеке.

— Эспresso, американо, капучино, латте?

— Латте.

Её взгляд скользнул мимо и замер где-то за его плечом.

— Оплатите по интерфейсу?

— У меня его нет.

Девушка замерла. Повисла пауза. Она покраснела.

— Ты один из... «голых»?

Кирилл не обиделся, таких, как он, называли и жёстче: «пустышки», «слепцы», «отбравованные»...

— Я чистильщик реальности. — Он положил на стойку мятые бумажки — старомодные кредиты, здесь их ещё принимали.

Аура взяла деньги, и на мгновение её пальцы коснулись его ладони, и она не отдернула руку.

— Подожди, — попросила она, когда он взял кофе и собрался уходить. — Как ты это видишь?

— Что?

— Мир вокруг, без всего этого.

Девушка повела рукой, и Кирилл понял, что она имела в виду слой, наложенный на реальность. Ту самую красивую картинку, где они оба сейчас, по её мнению, находились.

— Серым, облезлым, но настоящим, — буркнул Кирилл.

— Ой, это, наверное, страшно?

Он посмотрел на её веснушки и улыбнулся:

— Не всегда.

* * *

Сбой начался в два часа, и люди начали жаловаться на то, что их «эльфийские уши» пропадали, обнажая человеческие. Кирилл поднялся на крышу «Серебряной Башни». Едва уловимое мерцание на периферии заставило его насторожиться. Внезапно изображение дрогнуло и покрылось рябью. Система визуализации требовала срочной калибровки. Он привык к таким неисправностям, но то, что случилось дальше, выбивалось из ряда привычных поломок.

Изображение снова дёрнулось, на миг мир стал почти реальным, а потом слой дополненной реальности вернулся, но криво, и тут же запищал рабочий планшет Кирилла. На экране вспыхнула надпись:

КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА. ВРЕМЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ: НЕИЗВЕСТНО.

Донёсся крик. Кирилл подошёл к краю крыши, посмотрел вниз и замер. Слой дополненной реальности на «Аллее тысячи фонарей» осыпался, как старая штукатурка. Люди, ещё находившиеся в образе эльфов, викингов и фей, застыли, растерянно смотрели друг на друга. Их цифровые наряды спали как маски, обнажив дешёвые куртки и растянутые свитеры. Они увидели себя впервые с момента общей оцифровки. С тех пор любой мог сменить облик, заменив аватар бесчисленное количество раз, но удалить уже невозможно. От линзы дополненной реальности можно было избавиться только вместе с глазами. Разработчики решили почти все бытовые проблемы, но оцифровка стала ловушкой, ведь никто не предупредил, что это навечно.

Кто-то стоял и плакал, многие кричали. Женщина, чей аватар ранее представляла белокурая валькирия в сверкающих доспехах, увидела в витрине своё отражение: немолодое лицо, седые волосы, лишний вес. Она закрыла лицо руками и рухнула на колени. Мужик с аватаром принца в бархатном камзоле увидел в витрине лысеющего толстяка в заляпанной рубашке и, не в силах принять реальность, сел на асфальт и заплакал. Машины, что раньше сверкали,

как корабли из блокбастеров, превратились в ржавые автомобили. Дома — в хрущёвки с облупившейся краской. Фонтан, переливающийся радугой, оказался высохшим прудом. И посреди этого хаоса Кирилл почувствовал странное, почти ледяное спокойствие. Он видел знакомый до мелочей мир.

Паника нарастала. Люди не узнавали улиц, так как привычные ориентиры исчезли, обнажив чужой мир. Они замерли, скованные ужасом. И среди них была Аура в сером пальто. Она смотрела на здание «Лавки вкусных снов», а видела забегаловку с облупившейся вывеской: «Сладкая жизнь, круглосуточно».

Кирилл, не раздумывая, спустился по пожарной лестнице и выскочил во двор. Улица кишела растерянными людьми. Он пробирался сквозь толпу, и теперь все видели человека с резкими чертами лица. Чистильщик реальности перестал быть невидимкой.

— Аура! — крикнул он, когда до неё осталось несколько метров.

Девушка обернулась, глаза её были полны слёз, и Кирилл впервые увидел их настоящий цвет — не «лазурный», отфильтрованный, а серый, как небо перед дождём.

— Ты видел всё это раньше? — Аура обвела рукой грязную улицу с мусорными баками и облупленными стенами.

— Да, — ответил Кирилл, подходя ближе. — Всё время.

— Как ты не сошёл с ума?

— Привык, — сказал Кирилл, взяв её за руку. — Здесь опасно, нам надо спрятаться в бункере гражданской обороны. Там безопасно, я работал там, когда чистил текстуры.

— Обороны? От кого?

— Позже объясню, уходим.

Они пошли, и за ними последовали другие. Сначала несколько человек, которые слышали о бункере, потом дюжина, а затем целая толпа. Люди, привыкшие полагаться на линзы и навигаторы, шли за тем, кто знал безопасное место.

Кирилл знал город как свои пять пальцев и уверенно вёл их к убежищу. Сначала через дворы, где в дополненной реальности цвели сады, а в реале на верёвках сушилось бельё. Потом мимо старых домов с трещинами и облупившейся краской.

Его догнал пожилой мужчина в дорогом пальто. У него были благородные черты, но он выглядел растерянным.

— Ты «отбракованный»? — спросил он. — Я слышал о таких, но думал — это выдумки.

— Не выдумки, — не останавливаясь, ответил Кирилл.

— Веди нас. Я заплачу, сколько скажешь.

— Не надо, — Кирилл обернулся. — Просто идите за нами.

В глазах мужчины промелькнули удивление, стыд и благодарность. В дополненной реальности эти чувства скрылись за маской идеальной вежливости, а теперь, без фильтров, всё было как на ладони. Кириллу даже стало неловко. Он посмотрел на Ауру. Она шла рядом, держала его за руку и смотрела на мир широко открытыми глазами.

— Стены, трещины — всё это настоящее? — спросила Аура.

— Да, — кивнул Кирилл.

— А меня... — она запнулась. — Ты видел меня настоящую всё это время?

— С первого дня, как ты пришла работать в «Сладкую жизнь».

— В «Лавку вкусных снов», — машинально поправила она, а потом рассмеялась — нервно, но искренне. — Господи, она всегда выглядела как забегаловка?

— Ага, но кофе там отличный.

Аура долго смотрела на него.

— А я? — спросила она. — Как я выглядела без кожи?

— Уставшей, — ответил он. — С веснушками, тёмными кругами и волосами, которые никогда не лежат ровно. И ты самая красивая девушка, которую я видел за последние три года.

Аура открыла рот, потом закрыла. Её щёки залились настоящим румянцем.

— Ты врёшь, — прошептала она.

— Я не умею врать, — улыбнулся Кирилл. — Я же видел тебя без фильтров.

* * *

Бункер выглядел точно так же, как Кирилл его запомнил. Подземное бетонное сооружение прошлого века, толстые стены, автономная вентиляция. Над ним в дополненной реальности возвышался роскошный особняк с мраморными колоннами. В городе лишь «голые» знали об убежище, построенном на случай ядерной войны. Слава богу, апокалипсиса не произошло. Его держали на случай хаоса, который бы непременно наступил, узнай миллионы людей, что их реальность — красивая ложь.

Кирилл открыл тяжёлую металлическую дверь, настоящую, без цифровых замков, и пропустил людей внутрь. Люди заходили, оглядывались, трогали стены руками — проверяли, реальны ли они. Бетон не превращался в мрамор, пол не становился паркетом. Все видели бункер таким, каким он был с момента постройки. Многие плакали от облегчения. Здесь, под землёй, не было фальши, только честная реальность, и это успокаивало.

Кирилл распределял людей по помещениям, показал, где вода и галеты — запасы регулярно обновляли.

Спустя три часа система начала восстанавливаться. Сервера перезагружались, слои накладывались заново. Сначала появилось освещение: тусклые лампы бункера замерцали, стали ярче. Потом текстуры: бетонные полы «покрылись» паркетом, потолки поднялись, появились картины на стенах. Кирилл гордился своей работой.

Люди вздыхали с облегчением. Кто-то смеялся, кто-то плакал, снова надевая маску. Аватары вернулись, лица стали идеальными, одежда — роскошной, но не у всех.

Кирилл заметил, что некоторые смотрели на свои аватары с отвращением. Женщина-валькирия и мужик-принц отключили свои аватары вручную.

Через несколько минут из динамиков прозвучало официальное сообщение:

«Граждане, глобальный сбой дополненной реальности устранён. Все системы функционируют в штатном режиме. Приносим извинения за временные неудобства. Ваши аватары восстановлены. Для посттравматической поддержки открыты горячие линии».

Кирилл стоял снаружи, наблюдал, как люди выходят и расходятся. Многие благодарили, жали руку, предлагали деньги, он отказывался.

— Ты спас нас, — сказал пожилой мужчина с благородными чертами. — Скажи что нужно? Престижная работа? Дом в пригороде? Аватар? У меня есть связи, я помогу.

— Ничего не нужно, — покачал головой Кирилл.

— Но ты... — Мужчина замялся, подбирая слова. — Ты живёшь без фильтров. Это тяжело.

Кирилл посмотрел на улицу, где цифровой слой уже полностью восстановился, превратив район хрущёвок в сверкающий район. Эльфы и киберсамураи снова бродили по чистой улице мимо фонтана.

— Тяжело, — согласился он. — Но я привык.

* * *

Через три дня Кириллу позвонили. Не на рабочий планшет, а на старый механический телефон, который он сохранил на случай, если технологии окончательно откажут. Звонивший представился советником мэра.

— Мистер Сорин, — голос вкрадчивый, профессионально-мягкий. — Мы наслышаны о ваших уникальных способностях и роли во время глобального сбоя. Город хочет выразить благодарность.

— Не нужно, — привычно ответил Кирилл.

— Поймите, это не просто благодарность. Мы хотим предложить кое-что большее. Наши специалисты нашли способ скорректировать вашу аномалию. Ваши линзы будут работать. Вы сможете видеть мир не на планшете, а как все.

Кирилл молчал.

— И это не всё, — продолжил советник. — За гражданскую позицию мы готовы предоставить вам аватар экстра-класса. Любой дизайн, самый дорогой в городе. Станете кем угодно. Вас, наконец, увидят.

Кирилл смотрел в окно. Настоящее. Во двор с облезлой детской площадкой. На старой скамейке сидела Аура — веснушчатая, растрёпанная, без линз и скина. Ждала его. Она отключила линзы на следующий день после сбоя. Некоторым позволили это сделать, чтобы избежать скандала. Объяснила, что хотя бы неделю хочет пожить «как он». Вчера сказала, что больше их никогда не включит.

— Мистер Сорин? — Голос советника вернул его к реальности. — Вы согласны?

Кирилл понял, что почти три года считал себя белой вороной, изгоем, пустым местом, а оказался единственным, кто не ослеп, когда дополненная реальность вышла из строя.

— Нет, — ответил он.

— Простите, что вы сказали?

— Я сказал «нет», — Кирилл нажал на рычаг, завершив разговор.

Он спустился во двор. Аура кривовато улыбнулась и поинтересовалась:

— Кто звонил?

— Предлагали сделать операцию и стать как все, — сказал Кирилл, садясь рядом. — А ещё — самый дорогой аватар, что есть в городе.

— И что ты ответил?

— Сказал, что уже вижу достаточно.

Она рассмеялась, и Кирилл подумал, что её настоящий, с лёгкой хрипотцой смех, звучит лучше любой цифровой симфонии. Они сидели на старой скамейке, разговаривали, а вокруг, как мыльный пузырь, переливался идеальный, но фальшивый город. Кирилл видел его насквозь и впервые был рад, что не может быть никем, кроме себя — человеком без фильтров.

Арсений Баранов «КРАСИВЫЕ КУРЫ»

Берцы пылятся под лыжами на балконе, косуха заброшена на антресоль. Колечки и гвоздики аккуратно сложены в шкатулку и убраны в ящик туалетного столика. В палетке теперь мягкое разноцветье. Меркьюри в майке ещё держится булавками за стену над кроватью, но Dolby Digital наполняет квартиру временами года Вивальди. «Девочка созрела. Вика, тридцать два годика», — красуется статус в социальной сети.

Ситцевое платье в горошек, босоножки, косынка повязана в стиле пин-ап, красные губы — один из немногих ярких штрихов образа. Шлёп-шлёп-шлёп по ступенькам на улицу. «Здрасьте» старушкам на лавочке. Тех аж перекосило. Зашипели вслед, потрясая скрюченными в артрите пальцами.

— М-да...

— И я о том же!

— Совпадает, говоришь?

— День в день!

— Надо собрать всех наших.

— Прямо всех?

— Хм... давай малый крысиный круг. А там разберёмся.

Бритый худощавый парень в камуфляжных штанах, болтающихся подтяжках, армейских ботинках и безразмерной футболке «Горшок жив!» выбрался из-за кустов под раскидистой липой. Поймал взгляд старушек, переглядел их и широким шагом направился в соседние дворы к тонированному павильону со скромной вывеской КАФЕ. «Это надо обдумать», — почёсывая кадык, бубнил бритый.

* * *

Обливаясь потом, курьер тащил третий семидесятилитровый мешок грунта. На площадке перед четвёртым этажом на облупившейся тумбочке без ящика восседала девушка в сером строительном комбинезоне поверх чёрной майки. Подоконник перед ней рябил следами от затушенных окурков. Тут же стояла жестяная банка масляной светло-зелёной краски, рядом примостились шпатель и кисть. Через приоткрытое окно задувал слабый ветерок. Недавно вымытое стекло открывало вид на придомовые клумбы, скамейки со старушками, электровелосипед курьера, полосу дворового асфальта с выбоинами и необлагороженные кусты и деревья по другую сторону. Ветки спиреи дрогнули.

— Да не толкайся ты! — бритый парень чуть не повалился в куст.

— Мне не видно! — засопел коротышка с рябым от оспин лицом.

— Пил бы меньше, видел бы дальше, — Позади них в тени липы стояла в спортивных штанах и топе крашенная в чёрный подтянутая девица с выбритыми висками. — Вон же она, подоконник красит.

— На хрена? — в один голос спросили парни.

— Поди её пойми теперь. Закончит, поднимусь к ней. Типа мимо проходила, зашла на пиво стрельнуть. Давно, говоришь, так?

— С последней тусы, когда мы у неё люстру оторвали... — начал было бритый, но коротышка перебил.

— Не в этом суть. Той ночью у неё соседка сверху померла. Ну, та бабка, что ментов на нас вызывала постоянно. И наутро всё, нет нашей подруги. Я похмеляться топал, а она в сарафане с бидоном в очереди за деревенским молоком стояла. И ладно бы себе — котам помоечным скормила.

— Дела... Пожалуй, одна я к ней не пойду. Надо Натаху найти. Она когда-то с готами тусила, всякой дичи наслушалась, может, помнит чего.

* * *

Смеркалось. В посадке возле железнодорожной насыпи на неизвестно кем и когда спиленных брёвнах сидели четверо, передавая по кругу пластиковую полторашку.

— Значит... в двух словах, — крашенная в пепельный блонд с розовыми прядями девушка с впалыми щеками прикурила новую сигарету от бычка, — вы считаете, что в момент смерти дух бабки переселился в девчонку?

Остальная троица вразнобой закивала.

— Сомнительно, но окей. Накидайте хоть три твёрдых аргумента за эту версию, — продолжила крашенная, кутаясь в безразмерный худи.

— Стала слушать попсу и классику. У неё в статусе видно, что играет, — Робко начал парень с оспинами, пытаясь спрятать от чужих глаз порвавшийся кроссовок.

— Херня. Родной, я слушаю всё на свете в зависимости от настроения и компании — лишь бы наливали. Ещё примеры.

— Она помыла окна и лестницы в подъезде, покрасила подоконники и рассадила там цветы, — черноволосая спортсменка потирала рассаженные костяшки на правой руке.

— Вот! Это звиздец, как странно. Ещё.

— Одевается по-другому. Не как все даже. Ладно бы по гражданке... А тут платья, платочки. Как при Союзе, — выдал бритый, утепившийся олимпийкой с тремя полосами вдоль рукава.

— Тебе откуда знать, дитя девяностых, — попытался подколоть рябой, но быстро осёкся под жёстким взглядом приятеля.

— Слушайте, параноики, — снова взяла слово блондинка, — может, она просто мужика нашла? Любовь-морковь, все дела.

Но тут парень с оспинами пересказал случай с бидоном, молоком и котами, произошедший аккурат на утро после вечеринки, поставив под сомнение возможность за несколько часов ночью найти человека, ради которого захочется так резко измениться. В сгустившихся сумерках тлел огонёк сигареты. Бритый допил содержимое полторашки, шумно смял бутылку, зашвырнул в кусты и подвёл итог:

— Короче. Верим, не верим, факты налицо: в тело вселился дух бабки. Чё делать теперь?

— Есть у меня один человечек, — Затушила окурочку блондинка. — Но он работает не бесплатно. Так что готовьтесь раскошелиться.

* * *

Пиликнуло. Черноволосая спортсменка разблокировала смартфон. На экране был свежий пост подруги:

«Вот бы переехать в деревню. Быть ближе к природе, огородик посадить, цветник разбить. Завести красивых кур с хохолком, чтобы утро начиналось с ярких перьев и дружного кудахтанья во дворе».

— А куры на фотке действительно красивые, — Глядя через плечо подруги, сказал рябой и тут же получил щелбан по носу. — За что?!

— Чтобы не совал свой шнобель, куда не просят, — беззлобно ухмыльнулась спортсменка.

В рюмочную под вывеской КАФЕ ввалился бритый, споткнувшись о порог. Прищурив глаза, обвёл помещение взглядом, нашёл своих и нетвёрдой походкой добрался до диванчика.

Приземлился по другую сторону их стола. Скрипнул обшарпанный кожан, не менее гнусно ответили старые пружины. Отобрав у рябого початую кружку, жадно приложился к напитку, остановившись только, когда на дне осталось на два пальца с пеной.

— Выглядишь как дерьмо, — прокомментировал обиженный приятель, забрав кружку и направившись к бару наполнить её.

— Колбасит меня. Нутро рвёт, — бритого скрутило судорогой.

— Ты бы завязывал с синькой, — спортсменка манерно отхлебнула бутылочного из горлышка.

— Ля, я щас первый раз за день пригубил. Всё равно будто ломка. В башке не укладывается эта чертовщина. Ладно, по пьяни всякое привидится — это галюны, но мы ведь реально собрались изгонять...

— Ш-ш-ш-ш!

Спортсменка и вернувшийся с полной кружкой рябой дружно зашипели на приятеля. Некоторое время они сидели молча. Вечерело. Посетителей в КАФЕ прибавилось. Люди общались, жаловались друг другу на жизнь, делились проблемами. Позвякивали, соприкасаясь, кружки. Бармен включил музыку. В этот шум открылась пластиковая дверь, и через порог шагнул высокий, сутулый мужчина в длинном чёрном одеянии и такой же по цвету шапочке. За ним следовала Блондинка с отросшими корнями и бледно-розовыми прядями, впалые щёки которой никак не шли к объёмному худу. Девушка быстро сориентировалась и провела незнакомца за стол к приятелям, а сама ушла к бару. С трудом втиснув колени под столешницу, молодой мужчина с жидкими усиками и клочком козлиной бородки стянул с головы простую вязаную шапочку и расстегнул чёрный рабочий халат, вблизи пахнувший машинным маслом и стружкой. Повисла пауза. Бритый подрагивал, задвинутый к стенке, остальные в упор смотрели на незнакомца, он отвечал им тем же. Блондинка принесла четыре полные кружки, подвинула высокого, примостившись на край дивана.

— Натаха, это кто с тобой? — с ходу наехала спортсменка.

— Ну, вы тёмные. Просили специалиста — вот он. Серёга, не состоявшийся отец Сергей.

— Слышь, отец, — начал с вызовом рябой, — тебя из семинарии выперли, что ли? Какой ты после этого специалист?

— Отчислили за плохое поведение. Заповеди не соблюдал, грешил, — отпил высокий из кружки. — Специалист хороший, не ссы. Изгнанию бесов обучен, в шоу экстрасенсов участвовал, в кастинге. Гадалкам помогаю: таролог, астролог, порча на понос, все дела. Сейчас в троллейбусном парке слесарем подрабатываю.

— Этого сможешь отшептать? — кивнула на бритого спортсменка.

Сергей посмотрел на сидящего рядом парня, которого скрутил очередной озноб. Положил ему ладонь на лоб, замер с закрытыми глазами. За столом повисла тишина. Через минуту высокий убрал руку, вернулся на несколько глотков к пенному напитку и только потом сказал:

— Психосоматика. Ему мозгоправ нужен, я бессилен.

— Ну, не соврал, уже хорошо. Давайте к делу, — подытожила спортсменка.

* * *

«Матушка-земля, белая берёзонька...», — пела Куртукова в колонках, пока девушка в ситцевом халатике рыхлила грунт в кадке с «шучим хвостом». Рядом на полу лежало несколько книг по садоводству с блошиного рынка и цветная брошюра «Куры России», заказанная по интернету. «У-ух!» — филином позвал новый дверной звонок. В глазке маячила черноволосая подруга с выбритыми висками. Обитая дерматином с ватным утеплителем деревянная дверь трагично скрипнула навстречу старой знакомой.

Вместо спортсменки внутрь влетел бритый приятель и высокий незнакомец в чёрном облачении. Первый повалил девушку лицом в пол и придавил руки, а второй сноровисто закрыл рот пластиковым шариком, ремешок от которого тут же был застёгнут на затылке.

— Чё стоим, заходим, — бросил Сергей в открытую дверь и зашипел на бритого. — Резче руки вяжи, вырвется ведь. Демоны они знаешь какие сильные...

Маленький коридор наполнился людьми, щёлкнул изнутри замок. Рябой ухватился за босые щиколотки, помогая отнести девушку в спальню. В узкой, как пенал, комнате была спартанская обстановка: стойка для одежды с дюжиной вешалок, винтажная металлическая кровать с провисшей панцирной сеткой, умная колонка и сотовый телефон на деревянном табурете. Поверх облезлых деревянных досок пола был накинут небольшой плетёный коврик, стены пестрили щербинами старой шпатлёвки, обнажившейся после явно недавнего сдираания обоев, на белёном потолке зияла проплешина, где вместо люстры на проводе одиноко свисала энергосберегающая лампочка.

— Алиса, запись церковного хора! Смотрите, смотрите, как задёргалась! Знает, что изгонять сейчас будут, чувствует силу православной веры.

Пока остальные привязывали кисти и щиколотки к изголовью и изножью кровати, распинавшая бывшую подругу на кресте, несостоявшийся священник разжёл кадило. Запах ладана быстро наполнил маленькую спальню. Бритого замутило. Он едва выбежал в соседнюю комнату, где его вывернуло в кадку с «щучим хвостом». Блондинка закурила и с азартом наблюдала, как Сергей в своём чёрном рабочем халате переливает «святую воду» из принесённой пятилитровки в найденную на кухне кастрюльку. К фимиаму благовоний добавились спиртовые нотки, когда самоназванный экзорцист стал размахивать кропилом, сделанным из портьерной кисти. Сергей то перемежал церковнославянский с латынью, то, кружил подле кровати, то выпучивая глаза, закатывал их. Рябой стоял у изголовья, уставившись на задравшийся подол халатика. Блондинка сменила покупные сигареты самокруткой и похихикивала в углу. Спортсменка не выдержала и вышла в соседнюю комнату.

— Ты как?

Бритый в позе эмбриона скорчился на продавленном диване. Его била крупная дрожь, зубы клацали на всю комнату, будто злобный дух изгоняли и из него тоже. Не дождавшись ответа, спортсменка вышла на балкон, открыла окно подышать свежим воздухом. Нахмурила брови навстречу пасмурному темнеющему небу, потёрла сбитые костяшки: «Неправильно это всё, неправильно...» Сзади моргнул свет, как во время скачка напряжения. Спортсменка бросилась к спальне, чтобы с порога успеть увидеть, как от лица привязанной подруги с едва слышным шипением отделяется полупрозрачная дымка, поднимаясь к потолку и сливаясь с клубами от сигарет и кадила. Тело девушки на кровати, до того выгнутое дугой, обмякло и упало в гамак провисшей панцирной сетки, ответившей сдавленным скрипом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.